

Н.О. Золотова

ЧЕЛОВЕК И СЛОВО КАК ПЕРВИЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Человека принято именовать уникальным творением Вселенной. В чем же заключается его уникальность? Проблематика специфически человеческих свойств и качеств, характеристика процессов развития, делающих человека именно человеком, является одной из центральных для понимания этого феномена в психологии с момента ее возникновения. Одно из направлений в объективации специфически человеческого состоит в поиске принципиально новых качеств, присущих только человеческому бытию и определяющих специфику человека. Чем явственнее обнаруживают себя натуралистические тенденции в истолковании человека, тем сильнее оказывается стремление психологов отстоять представление о том, что человек в природном мире – принципиально другое существо, заключающее в себе тайну неповторимости, невозпроизводимости. Сторонники этой позиции видят феноменальность человека в его способности надстраивать над природой рукотворный мир. Создание человеческого сообщества, богатейшей сферы культуры и цивилизации рядом исследователей оценивается как органопроекция человека, своеобразное удвоение/продолжение его тела и духа [21].

Многообразие подходов к трактовке специфически человеческого, а также к истолкованию природы человека, накопленных к настоящему времени в науке, философии, религии, невозможно перечислить в рамках статьи. Большинство этих подходов, так или иначе, могут быть сведены к вопросу, который поставил Ф. Гальтон в 80-е годы XIX века: «Природа или воспитание?». Отметим, что у Ф. Добжанского, исследующего наследственный и ненаследственный (средовой) компонент в развитии и поведении человека, включая его интеллектуальную деятельность, этот вопрос звучит как «Мифы о генетическом предопределении и *tabula rasa*» [4]. Вывод одного из самых ярких генетиков-эволюционистов XX века убедителен: человечество участвует в двух эволюциях – биологической и культурной. И они не независимы, а взаимозависимы. Они могут быть поняты только как компоненты *единой системы, единого плана* (выделено нами – Н.З.), которые придают смысл не только жизни отдельных людей, но, возможно, также и существованию Вселенной [Ор. cit.: 24]. Эта линия взаимодействия генотипа и среды получила свое интенсивное развитие за рубежом в направлении, называемом генетико-культурной эволюцией.

Мысль о человеке как единой системе выводит на его сущностный признак – целостность, которая определяет разницу между живым и неживым. Следовательно, в качестве объекта познания человек должен рассматриваться как единая, целостная система, что естественно с точки зрения интегративного подхода, сформированного в ряде наук в последние десятилетия, и энергийного представления о человеке (П.А. Флоренский, А.А.

Ухтомский, С.С. Хоружий, В.П. Зинченко и др.). И даже простое деление человеческого бытия на подсистемы «душа» и «тело» уже дает право, по мнению С.А. Цоколова, говорить о комплексном подходе [26]. Пример размышлений в духе всестороннего, реалистичного подхода к человеку приводится в работе [3] и принадлежит Стивену Присту: от новой науки, которая заменит старую, «будет требоваться понимание человеческого существования как одновременно ментального и физического, как себя и другого, индивидуального и социального, свободного и детерминированного, временного и вневременного, внутреннего и внешнего, предсказуемого и непредсказуемого» [Op. cit.: 122].

О «многомерности» человека, с одной стороны, и его «центральном» положении в той системе координат, в которую вписан окружающий мир, с другой, говорят те исследователи, которые пытаются воссоздать этот феномен для современного человековедения.

Современная западная цивилизация, в том числе культура и наука, как известно, антропоцентричны. Человек рассматривается в качестве высшей онтологической ценности, выступая своеобразной «линейкой», масштабами которой измеряются природа, общество и знание [11]. Смысл этого подхода к человеку точно выражен известными словами Протагора «человек – мера всех вещей». Как отмечает Е.Е. Сапогова, для этой греческой формулы в известном смысле верно и обратное: «вещи есть человеческая мера», поскольку какие-то реальные природные вещи и явления на ранних этапах антропо- и культурогенеза становились первоначальной человеческой мерой, определяющей дальнейшее наполнение сознания значениями и смыслами – проход солнца по небу, расчлененность дня и ночи, смерть и рождение, ритмика, совершение физических действий, доступных человеку физиологически и морфологически, и др. [21].

Неизбежность обращения познающего человека к человеку как надежной опоре в процессах познания предрекал П. Тейяр де Шарден, который отмечал, что «чем больше мы делаем усилий, чтобы уйти от человека в наших теориях, тем больше суживаются круги, описываемые нами вокруг него, как будто мы втянуты в его круговорот» [24: 396]. По мнению этого универсального мыслителя, «в человеке резюмируется все, что мы познаем», поэтому как «предмет познания – это ключ ко всей науке о природе». «Соразмерность» человека познаваемому миру определяется П. Тейяр де Шарденом следующим образом: «... 1) он представляет собой, индивидуально и социально, наиболее синтетическое состояние, в котором доступна ткань универсума, и 2) соответственно в настоящее время мы находим здесь наиболее подвижную точку ткани, находящейся в ходе преобразования» [Ibid].

Особое положение человека в мироздании сравнивается М. Эпштейном с «точкой взаимовхождения и взаимосцепления наибольших колец бесконечного мироздания и бесконечного сознания» [28]. «Человек – это непрерывность перехватов его тела и мысли с окружающим миром: мир

охватывает человека в точке его тела, а человек охватывает мир в круге своей мысли» [28: 250–251]. Гносеология, представленная философской антропологией, полагает, что человек, будучи бытием, несет в себе разгадку этого бытия: «не кто-то внешний противостоит бытию, но само бытие из себя, т.е. из человека, открывает в себе смыслы» [17: 20]. Таким образом, за человеком признается свойство универсального мерилы бытия, однако, если «человек – мера всех вещей», то «чем же измерить меру?» [26].

Антропологический образ философии, который складывался на протяжении веков, отражает многоплановость человека, его принадлежность многим планам бытия, когда он предстает как «точка пересечения многих миров» [17]. Несмотря на непосредственную данность человека самому себе – данность как внешнюю, телесную, протяженную, так и внутреннюю, духовную и непротяженную – он всегда остается чем-то загадочным, эфемерным и призрачным, чем-то, что постоянно скрывалось под покровом различных отчужденных форм человеческой жизни и деятельности. С точки зрения метафизики, человек неопределим по той причине, что он стоит по ту сторону опыта – уходит далеко в бесконечность, в другие миры; сам факт его существования свидетельствует о прорыве в предметном мире, о том, что человек не вмещается в реальную действительность [Op. cit.: 7].

Трудноопределяемость сущности и сущностной структуры человека породила образ тайны, связанной с этим понятием в философии: человек всегда больше, чем смыслы и значения, которые содержатся в метафизических понятиях. Наряду с древнегреческими изречениями о специфике человеческой природы в философских текстах, посвященных проблеме человека, принято ссылаться на высказывание Ф.М. Достоевского: «Человек есть тайна». Таинственность человеческой сути связана, прежде всего, с невозможностью свести «человеческое» к чему-то одному, главному: какова, в конечном счете, «квинтэссенция» (субстанция, природа и т.п.) человека? При этом, как указывает А.А. Баталов, «конечный счет» полагается как «некое одинаковое, всем людям присущее свойство человека, проходящее через все века» [3]. Сомневаясь в продуктивности установки «конечного счета», автор, тем не менее, предлагает в качестве «предельного основания человека» аксиому: «человек есть бесконечномерное существо» [Op. cit.: 126]. О принципиальной «открытости» человека, его «незавершенности», «процессуальности» говорит и онтопсихолог А. Менегетти, предупреждая о том, что «человек не должен заблуждаться, что он представляет собой уже нечто готовое и завершенное» [12].

Своего рода аналогом человека является язык. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух. Он воспринимается одновременно умом и органами чувств [2]. «Родство» человека и языка выражается в «научной антропологической парадигме, которая задается отношениями "человек – язык"» [10: 114].

В последние десятилетия предыдущего столетия внимание исследователей, чьи интересы связывались с изучением языка и его лексики, в част-

ности, сосредотачивается непосредственно на его носителе – человеке, чье существование в мире неразрывно связано с языком. Признание важности «человеческого фактора» в языке и его последовательный учет в исследовательской практике обусловлены всеобщей заинтересованностью в человеческой личности, разочарованием в «рационализме» научного познания, фактически исключившего живого и непредсказуемого человека, его сложную взаимосвязанную психофизиологическую, историко-социальную и языковую природу как свой объект.

Изгнание человеческого из пределов лингвистики воспринимается Ю.Н. Карауловым как естественная плата за ее стремление быть максимально объективной [7: 19]. Однако, как справедливо заметит позднее В.А. Пищальникова, подводя итоги уже сложившейся к концу XX века «новой парадигмы» в языковедении, роль человека в процессах порождения и восприятия смыслов, репрезентированных языком, невозможно игнорировать, как бы ни хотелось создать лингвистику «объективную», лишенную влияния субъективной деятельности индивида [18: 12]. С.В. Лебедева связывает обостренное внимание к человеческому языку и роли слова в лингвистике Нового времени с характерной для XX века осознанной экзистенциальной тревогой, спутницей постхристианского состояния культуры [8: 14].

Общий пафос лингвистических исследований этого периода Ю.Н. Караулов выразил следующим образом: нельзя познать человека, не познав его языка. Однако, по его же мнению, логика развития научного знания заставляет по-иному сформулировать этот тезис, резюмирующий исследования, в которых представлена точка зрения, включающая рассмотрение человека вместе с языком и языка в человеке. Тезис этот, считает исследователь, должен звучать следующим образом: «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [7].

Попытки применить «человеческую меру» к пространству языка осуществлялись с глубокой древности. Интуитивные представления древних мыслителей об антропоморфности лингвистического знания находят свое развитие в идеографических словарях, или словарях, которые принято называть в лексикографии, словарями тезаурусного типа. Идея группирования лексем по темам, а не в алфавитном порядке, имеет свою предысторию в попытках разработать схемы классификации всех человеческих знаний в XVI веке. В частности Ф. Бэкон (1561 – 1626) и Дж. Уилкинз (1614 – 1672) предлагали способ деления всего сущего на небольшие основные области, которые затем подразделялись вплоть до того момента, когда каждое понятие из тех, с которыми имеют дело, оказывается в надлежащем месте. Подобные попытки построения универсальной иерархии были забыты вплоть до XIX века, когда научный интерес к таксономии стал доминирующей чертой столетия, а ботаническая метафора дерева оказалась применимой к языку и естественной истории. Влияние естественной истории очевидно и в пионерской работе П.М. Роже, открывшей дальнейший путь к тезаурусо-

строению в лексикографии [30: 158]. Тезаурус Роже – это первая научно обоснованная попытка создать некоторую модель логически упорядоченной лексики языка и в этом смысле своего рода образец для оценки всех последующих работ такого рода.

Впоследствии Р. Халлиг и В. фон Вартбург, разрабатывая систему и классификацию понятий для идеологического словаря французского языка, поставили себе целью отразить в ней представление о мире, характерное для среднего интеллигентного носителя языка и основанное на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжение языком. Это представление о мире было названо ими «наивным реализмом», который и послужил теоретической и практической базой классификации содержательной стороны языка не только для разрабатываемого словаря, но и для общей теории идеографии: во многих работах, связанных с описанием смыслового континуума, находящего выражения в языке, исследование Р. Халлига и В. фон Вартбурга «Система понятий как основа лексикографии» принимается за эталон (см., например, «Лингвистический атлас Европы», полностью построенный на синоптической схеме Халлига – Вартбурга, в работе: [14]).

Классификация понятий Халлига – Вартбурга считается достаточно разумной, убедительной и эффективной при практическом применении ее к живому языку (как оказалось, не только французскому). Смысловый континуум, согласно мнению авторов, делится на три основных понятийных класса: 1) «вселенная», 2) «человек», 3) «человек и вселенная». Затем классы разбиваются на подклассы: «небо и небесные тела» и т.п. Более низкие «этажи» деления могут рассматриваться как аналоги семантических полей. Например, рубрика «небо и небесные тела» делится на два обширных семантических поля: 1) «небо и небесные тела» и 2) «погода и ветры», которые, в свою очередь, делятся на семантические поля разного объема: 1) «небо», 2) «небесные тела», 3) «погода», 4) «ветры». С последними подразделами и соотносятся серии соответствующих слов.

Таким образом, представив идеографический словарь в виде концептуальной схемы, на которой «покоится» языковая, наивная картина мира, нельзя не обратить внимания, что инвариантной, центральной частью такого словаря, независимой от языка и мировоззренческих установок авторов, является концептуальный блок, объединенный общим понятием «Человек». Анализ классификационных схем (синоптических карт) идеографических словарей разных языков (по крайней мере, индоевропейских) подтверждает их общую антропоцентрическую направленность (ср., например, схемы классификации лексики, положенные в основу словарей Дорнзайфа, Касареса, Молинер, представленные в работе: [6], а также схему идеографической части словаря «Лексическая основа русского языка» под редакцией В.В. Морковкина [9]).

Идеографический принцип классификации слов выдвигает на первый план именно антропоцентрическую лексику, к которой, прежде всего, от-

носится слово «человек». Являясь ключевым, единственное слово «человек» способно за счет отсылочных к нему не более ста слов – универсалий, которые представляют различные срезы человеческого в человеке, но взаимодействуют между собой как целостности, породить целый словарь так называемых «изначальных слов», «слов-начал», таких как: *дом, жизнь, смерть, земля, отец, мать* (Homo Naturalis); *война и мир, время и вечность, развитие* (Homo Historicus) и т.п. (см.: [19]).

Психолингвистический подход к языковым явлениям предполагает обращение к языковому сознанию человека – рядового носителя языка при помощи ассоциативных методик, позволяющих «воссоздать» его ментальный словарь, или ментальный лексикон, с выделением его наиболее активной части – ядра.

Анализ семантического пространства ядра лексикона носителя английского языка показывает, что структурированные в этом пространстве поля выступают как способ существования наиболее ёмких для носителя языка понятий, связь с которыми определяет максимальную вероятность воспроизведения единиц ядра при свободном ассоциировании. Актуализованный в ядре лексикона «образ мира» отражает так называемый «наивный реализм» носителя языка, повседневно оперирующего житейскими / обыденными понятиями, манифестированными единицами ядра [5].

Сравнение полученных групп с известной схемой Халлига – Вартбурга [31], показало, что единицы ядра лексикона покрывают в той или иной мере все области словаря «Вселенная – Человек – Человек и Вселенная». По своему положению и по существу отражаемых понятий концептуальный блок «Человек» находится в центре рассматриваемой схемы, а все концептуальные группы объединены общим блоком «Человек», так как поставленный в центр объективной действительности человек членит окружающий мир, как бы пропуская его через себя и противопоставляя себя как живое существо – неживой природе, вещному миру, как мыслящее существо – животному миру и т.п.

При сопоставлении концептуальных схем идеографических словарей разных языков (по крайней мере, индоевропейских) подтверждается их антропоцентрическая направленность. Совпадение интуитивных представлений составителей словарей подобного типа, очевидно, можно рассматривать как один из показателей важности этой концептуальной области для разных языков. Наш анализ (см. [5]) полностью подтверждает это предположение в отношении ментального лексикона носителя английского языка. Из выделенных нами двадцати концептуальных областей пятнадцать (с 1 по 15) связаны с общим понятием *человек* прямо и четыре (с 16 по 20) – косвенно. Семантические поля, составившие семантическую карту ядра лексикона, полностью интегрированы в концептуальную систему «Человек». Наиболее весомыми оказались группы, непосредственно отражающие жизнедеятельность человека как живого (*arm, blood, person, bread, wine,*

sex, etc.), чувствующего (*color, taste, anger, love etc.*), мыслящего (*brain, clever, talk, God etc.*), общественного (*bank, prison, school, army etc*) и природного существа (*earth, space, weather, flower, tree, etc.*).

Данные по четырем славянским языкам [22] подтверждают доминирующее положение в ядре языкового сознания русских, белорусов, болгар и украинцев таких концептов, как **ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ДРУГ, СЧАСТЬЕ, ДОБРО, СМЕРТЬ, ДЕНЬГИ, БОЛЬШОЙ**. Анализ ассоциативных полей слова-стимула ЧЕЛОВЕК по всем четырем языкам показал соотнесение человека с *животным*, с (*живым*) *существом, зверем*. У испытуемых всех четырех выборок человек интуитивно ассоциируется скорее с *мужчиной*, чем с *женщиной*. Всем четырем группам испытуемых человек представляется скорее *хорошим*, чем *плохим*, и скорее *другом*, чем *врагом*. Своеобразная планетарность мышления свойственная русским [25], выразившаяся в том, что человек соотносится с такими понятиями, как *земля, космос, вселенная, цивилизация, мир*, распространяется и на все остальные группы испытуемых. Все четыре группы испытуемых устойчиво связывают человека с *жизнью*. Кроме того, у всех групп испытуемых присутствует представление о человеке как творении Божиим: *душа, Бог, Адам, творение, Иисус Христос* и т.п. [25: 7–9].

Анализ возрастной динамики наиболее актуальных блоков образа мира русского ребенка – дошкольника и младшего школьника в исследованиях [13; 16] показывает сформированность и сохранение в последующих возрастных периодах вплоть до взрослого состояния тематических блоков ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА.

В исследовании Е.В. Лукашевич [10] испытуемые построили образ окружающей действительности через призму своего представления о человеке; системность этого образа оказалась аналогичной как для представителей ряда славянских этносов, так и для англо-саксонского этноса по материалам других исследователей.

Подобные аналогии не могут не навести на мысль об универсальных механизмах человеческого языка и мышления, укорененного в психофизиологической общности людей. В этой связи приведем высказывание Ч. Осгуда, на которого ссылается У. Эко, обсуждая проблему универсалий и относительности кода в естественных языках: Осгуд утверждал, что коды разных языков похожи на айсберги, только малая частичка которых выглядывает из воды, между тем общий фундамент языков находится как раз под водой [27: 472].

В ядре ментального лексикона сконцентрированы актуальные для носителя языка и культуры образы действительности в их взаимосвязях и отношениях. Образ мира, представленный в нем, отражает «наивный реализм» носителя языка, для которого характерно ставить себя (человека) в центр мироздания. Расположение образов в ментальном пространстве обнаруживает универсальный характер в разных языках, точнее – по линии фобульного построения «Вселенная – Человек – Человек и Вселенная».

Интересна другая тенденция, наблюдаемая в ассоциативных экспериментах с носителями языка: обращение к слову *человек* как интенсивному идентификатору. Анализ примеров толкования значений слов, предъявленных в эксперименте с инструкцией дать дефиницию, свидетельствует о стремлении испытуемых использовать слово *человек* для приписывания значения тому или ному стимулу. Однако, если в толковом словаре трактовка значения слова дается через необходимые и достаточные признаки (например, *друг – человек, который связан с кем-нибудь дружбой*), то живые носители языка (в рассматриваемом случае – дети 11-12 лет; см.: [15]) в своей интерпретации основываются на индивидуальном опыте, с одной стороны, и использовании опоры, в достаточной мере обеспечивающей взаимопонимание, с другой. По признанию автора «Толкового словаря русского языка глазами детей» его испытуемые употребляли слово *человек* в каждой словарной статье [15: 352].

Например, стимул ДРУГ толкуется детьми, участвовавшими в эксперименте, как: *человек, который мне близок; самый близкий человек после родителей; человек, которому можно довериться; человек, которому мы можем рассказать свои секреты; человек, которому можно излить душу и т.п.* На стимул БАБУШКА дети дают следующие дефиниции: *человек, который родил папу и маму; близкий человек; родной человек; человек, увидевший многое за всю жизнь; старый человек женского пола и т.п.* Стимул БОГ опознается через следующие дефиниции: *не человек; человек, которому все люди поклоняются; это человек, сотворивший мир; человек, который главнее всех нас; бессмертный библейский человек; это человек, который на земле самый главный и т.п.* ДЯДЯ толкуется как *человек, похожий на родного папу; ЖЕНА – как любимый человек мужа.* Значение слова ОБМАН раскрывается через дефиницию: *когда человек говорит неправду; один человек врет другому; это когда один человек соврал другому; это когда человек наврал кому-либо; выгода, полученная одним человеком через другого, но не честным путем и т.п.* ВСТРЕЧА разъясняется испытуемыми как *сближение одного человека с другим.* В дефиниции слова ЛЮБОВЬ человек выступает в качестве опорного элемента в таких толкованиях, как: *это человек, которого ты любишь.*

Идентификация огромного количества слов через единицу *человек* обусловлена как специфическими свойствами значений этой единицы (ранний возраст усвоения, срединное положение по линии абстрактности/конкретности – базисный уровень обобщения, способность без усилий включаться в более общую и в то же время более конкретную категории, узнаваемость слова для носителя языка как узнаваемость знакомого предмета и т.п.), так и важностью ее в культурном отношении. На это указывает Ю.С. Степанов, по мнению которого, человек как важный культурный предмет имеет множество параметров: ничто так не параметризовано, как человек [23: 552]. Сотни, если не тысячи слов в каждом языке – это назва-

ния одного и того же – «человека», но в зависимости от его разных «параметров».

Определения таких слов в словарях обычно начинаются словами «человек», вслед за которым следует указание сферы или ряда, в котором данное слово является в качестве специального имени «человека»: *мужчина* – человек противоположный женщине по полу; *муж* – мужчина («человек») уже вошло в определение «мужчина»; *отец* – *мужчина* по отношению к своим детям; *учитель* – человек, который обучает чему-либо, преподаватель; *коммерсант* – человек, занимающийся коммерцией; *продавец* – человек, который продает что-либо в данный момент; *пациент* – человек, лечащийся у врача, и т.д. [Ibid.].

В материалах «Русского Ассоциативного Словаря» [20] (обратный словарь) содержится большое количество примеров идентификации слов через уточнение какого-то из «параметров человека» (в терминах Ю.С. Степанова), через конкретизацию элементов образа ситуации, в которую обязательно включен человек. Например: ПАНК – *человек* с альтернативным для всех поведением; ИНТЕЛЛИГЕНТ – *человек* с образованием; ТАТАРИН – *человек* в узких глазах; ЖУРНАЛИСТ – *человек* с тетрадкой и микрофоном; УТОПЛЕННИК – *человек* умерший; УМНИК – *человек*, делающий вид, что он умен; ГУМАНОИД – *человек*, животное; ОСОБЫЙ – *человек*, которого не понимают; ХАПУГА – *человек*, которому все мало; РЫБАК – *человек*, которому нечем заняться; ШУСТРИК – *человек*, который все делает быстро; ЯБЕДА – *человек*, который жалуется; НЕРЯХА – *человек*, одетый неопрятно; ВАМПИР – *человек*, пьющий кровь; ШПИОН – *человек*, состоящий на военной службе государства; ЛИШНИЙ – *человек* (Печорин что ли); ПИСАТЕЛЬ – *человек* мысли; ЛЕНТАЙ – *человек* разумный; СМЕЛЫЙ – *человек* в буденовке; ПСИХ – *человек* с больной нервной системой; НА РАБОТУ – *человек* с дипломатом; РАБ – *человек* СССР; ИДЕАЛ – *человек-бог*; АЛМАЗ – *человек*, с которым всем хорошо и т.п.

Исчерпывающий образ ситуации актуализован в ассоциативных парах типа: ВОН – *человек* типа Хлестакова, вытянувший руку и указательный палец; ОПЯТЬ – *человек* с закатынными к небу глазами, БАРАНКИ – *человек*, обвешанный ими; СОМНЕНИЕ – *человек*, чешущий в голове и т.п. Интересна «народная» идентификация, в которой используется формальная стратегия с опорой на морфему: ПРОЛЕТАРИАТ – *человек*, который пролетает мимо; и на звукобуквенный комплекс с ошибочным опознанием имени собственного: ШИЛЛЕР – *человек*, который крутит деньгами, картами или чем-либо. Для наглядности примеры ассоциативных пар здесь приведены в направлении от стимула к реакции.

Можно привести аналогичные примеры по другим языкам, по данным: [22; 29]. Так в **белорусском** через лексему *человек* испытуемые уточняют представление о *друге* в ассоциативной паре: СЯБАР – *чалавек*, якому можно давяцца; СЯБАР – *чалавек*, які не подвядзе; жадный перетолковывается как «скупой человек»: ПРАГНЫ – *чалавек*, скупы; ГЛУПЫЙ опо-

знается как *чалавек*, які не можа звязаць двух слов. В **болгарском** *человек* участвует в идентификации таких слов, как, например, ВРАГ – *човек*, който мрази друг; глупый ассоциируется с человеком, которого водят за нос: ГЛУПАВ – *човек*, който се оставя да водят за носа. В **украинском** УМ-НЬЙ (розумний) опознается как *людина* в окулярах, а ГЛУПЬЙ (ДУРЕНЬ) как *людина*, що не хоче думати. В **английском** через *man* разъясняется имя собственное ADAM как *a man, who was created by God*.

В целом множество параметров *человека* может быть сведено к трем линиям его естественной параметризации, или аспектации, присутствующим во всех культурах и во многих из них «концептуализованным». Эти три аспекта следующие: а) человек в отношении к миру, а тем самым, в том же самом отношении и к Богу; б) человек в отношении к себе подобным, к своему роду, клану, племени, вообще в отношении к «своим» и «чужим»; в) человек в отношении к обществу [23: 552]. Не удивительно, поэтому, что «представления о человеке обнаруживаются в самых неожиданных слоях словаря» [1: 5].

Слово как особая единица языка и обозначаемая им сущность – человек служит тем, по отношению к чему определяется масштаб языкового и физического мира. На это обращает внимание М. Эпштейн: «Положение слова в мире символических величин равнозначно положению человека в мире физических величин: середина и точка отсчета. Было бы интересно проследить общие закономерности сложения таких иерархий: от фонемы до текста, от кварка до вселенной, от клетки до популяции (видимо, с организмом посередине)» [28: 314]. В этой связи показателен призыв П. де Шардена: «Человек внизу; человек вверху и в особенности человек в центре – тот самый, который живет, распространяется, так ужасно борется в нас и вокруг нас. В конце концов, надо им заняться» [24: 396].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Предисловие // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. – М.: Школа «языки русской школы», 1997. – С. 5–6.
2. Арутюнова Н.Д. Введение: Наивные размышления о наивной картне языка // Язык о языке: Сб. статей. – М.: «Языки русской культуры». – 2000. – С. 7–19.
3. Баталов А.А. Человек как бесконечномерный субъект-объект // Человек, 2006. – № 6. – С. 121–127.
4. Добжанский Ф. Мифы о генетическом предопределении и о *tabula rasa* // Человек, 2000. – № 1. – С.8–24.
5. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный мета-язык: Монография. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – 204 с.
6. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность – М.: Наука, 1987. – 264 с.
8. Лебедева С.В. Человек и слово // Ученые записки Курского гос. ун-та. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2004. – № 1. – С. 14–19.

9. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1984. – 1167 с.
10. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: Эволюционно-прогностический аспект: Монография / Под ред. и вступит. ст. В.А. Пищальниковой. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 234 с.
11. Мануильский М.А. Многомерный образ человека // Человек, 2002.–№ 3.– С.173–75.
12. Менегетти А. Проект «Человек». – Изд. 2-е, испр. / Пер. с итальянск. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005. – 335 с.
13. Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристики лексического компонента языковой компетенции). – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2000. – 312 с.
14. Ономазиология, основной словарный состав / Отв. ред. Р.И. Аванесов, В.В. Иванов. – М.: Ин-т рус. яз., 1976. – 67 с.
15. Палкин А.Д. Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей. – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.
16. Пенягина Е.Б. Возрастные изменения тематической организации актуального лексикона и картины мира (на материале эксперимента с детьми шести лет) // Проблемы детской речи – 1998. Доклады Всесоюзной научной конференции / Ред. сост. Р.Л. Смулаковская. – Череповец: Череповец. гос. ун-т, 1998. – С. 93–96.
17. Петров Ю.В. Введение. Антропологический образ философии. – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – 448 с.
18. Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной психолингвистики: Сб. статей. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 4–21.
19. Рабинович В. Слова-Начала // Человек, 1995. – № 5. – С. 21–34.
20. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1994–1998.
21. Сапогова Е.Е. Об объективации человеческой сущности в контексте культурного социогенеза. Опыт психологического анализа семиосферы // [http:// www.psyedu.ru/view.php?id=155](http://www.psyedu.ru/view.php?id=155).
22. Славянский ассоциативный словарь / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. – 792 с.
23. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
24. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе / Пер. с франц. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.
25. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.
26. Цоколов С.А. Единая наука о человеке: иллюзия или реальность // Человек. – 1996. – № 6. – С. 5–20.
27. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итальянск. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 544 с.
28. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
29. Associative Thesaurus of English / Kiss G.R., Armstrong G., Milroy R. – Edinburg: Univ. of Edinb., MRC Speech and Communication Research Unit, 1972. – 1539 p.

30. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – London; New-York; Cambridge Univ. Press, 2000. – 489 p.
31. Hallig R. & Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexicographie. – 2. Auflage. – Berlin, 1963.